

— Сердце моё болит, — с притворной тоской сказал Цзи Саньмэй. — Только поцелуй брата Шэня исцелит его.

В этот самый момент из дома Вэй вышел Ван Чуаньдэн. Увидев сию картину, он тут же подхватил игру:

— Подожди, сейчас позову губернатора.

Вэй Юань: «...»

Теперь он мог с уверенностью сказать: весь дом семьи Цзи, от мала до велика, сплошь состоял из сумасшедших.

Чтобы не заразиться их безумием, Вэй Юань выбрал самый надёжный способ — хлопнул дверью и ушёл.

— Почему он тебя не любит? — спросил Цзи Лючэнь, глядя вслед разгневанному Вэй Юаню. В его глазах старший брат был безупречен. — Помню, когда мы в детстве впервые встретились, он уже с тобой не ладил.

Цзи Саньмэй пожал плечами:

— Кто его знает.

Потом обернулся к Цзи Лючэню и задал встречный вопрос:

— В последние годы вы с ним стали близки. Неужели ни разу не спросил?

... Внутренний двор дома Цзи был Вэй Юаню настолько знаком, что ему даже не требовалась помощь слуг, чтобы туда попасть. Эта деталь заставляла Цзи Саньмэя беспокоиться: уж не обвели ли его глупенького брата вокруг пальца, а он даже не заметил?

Цзи Лючэнь, как и ожидалось, не стал оспаривать лёгкое определение «близки», которое дал Цзи Саньмэй. Он просто ответил на вопрос:

— Нет.

Цзи Саньмэй больше не стал развивать тему. На его взгляд, Вэй Юань ненавидел мужчин, склонных к своим же, и был прям как стальной лом — настоящий мужлан. Брату не стоило тратить на него силы. Пусть остаются друзьями — тоже неплохо. Ему, старшему брату, нечего соваться не в своё дело.

О положении в городе Чжуинь восемь лет назад Цзи Лючэнь уже рассказал. На этот раз, вернувшись, Цзи Саньмэй хотел выяснить, зачем тогда инсценировал свою смерть и сбежал.

... Расследовать самого себя — задачка та ещё.

Но едва он въехал в город, как узнал: в Чжуине завёлся злой бог. И в тот самый день, когда Цзи Лючэнь с другими уехал его искать, этот бог отнял человеческую жизнь.

Самое же главное — погибший Дин Шию при жизни Цзи Саньмэя сочинял и распускал грязные слухи, порочащие отношения Шэнь Фаши и его самого.

Поэтому смерть Диша вызвала у Цзи Саньмэя смутное, недоброе предчувствие.

И вот, Ван Чуаньдэн принёс весть, от которой это предчувствие усилилось вдвое.

— По пути назад я расспросил вашего управляющего. С тех пор как второй молодой господин Цзи покинул город, здесь умерли двое. Дин Шию ещё можно считать тихой смертью, — он сделал паузу. — Сунь Фэй тоже умер. Прошлой ночью.

Цзи Лючэнь изумился:

— Брат Сунь Уляна?

Цзи Саньмэй, не выпуская изо рта курительной трубки, сыпал корм для рыб в пруд. Его больше интересовало другое:

— Как умер?

— Проснулся утром — и сгорел заживо. Внутренности сварились, а кожа цела.

Цзи Саньмэй вздрогнул. Ему почудился запах жареного мяса.

В его памяти Сунь Фэй из семьи Сунь был лет на шесть-семь старше и всегда относился к нему тепло и дружелюбно. Особенно после похода на Лунган его действия ясно показывали: он хотел привлечь Цзи Саньмэя и втянуть не укоренившуюся семью Цзи в клан Сунь.

Но Цзи Саньмэй никогда не любил примыкать к кому-либо, поэтому на все приглашения отвечал притворной глухотой. Перебрав в памяти всё, он убедился: никаких особых пересечений с господином Сунь Фэем у него не было.

Зато у Шэнь Фаши были. Во время того похода он по военному закону наказал одного недостойного отпрыска семьи Сунь...

Перед самым возвращением Шэнь Фаши в город погибли двое людей, так или иначе с ним связанных. Не думать об этом Цзи Саньмэй не мог.

... Позавчера — Дин Шию, вчера — Сунь Фэй. Кто же будет сегодня?

...

Вэй Юань, спеша избежать сбирки безумцев, быстро вернулся домой, поэтому не знал, что творится снаружи.

Его дом не походил на обычные усадьбы знатных семей, где держали множество слуг. Только глухая кухарка, оставшаяся с семьёй Вэй в самые трудные времена. Вся остальную работу по дому и двору Вэй Юань выполнял сам.

Вернувшись, он, однако, не бросился убирать запылившийся двор.

Он прошёл в свою комнату, закрыл дверь и достал учётную книгу в коричневой бумажной обложке.

В детстве семья Вэй бедствовала, и каждый потраченный цянй нужно было записывать. Вэй Юань не хотел, как отец, связываться с азартными играми, но вынужден был идти в подпольные арены, где знать устраивала бои. Там он сражался голыми руками с голодными яо, что сводили отовсюду, — рисковал жизнью, чтобы добыть серебро и потешить зрителей.

Заработанные деньги, пройдя через множество рук, доходили до Вэй Юаня жалкими крохами. Большую часть он отдавал матери, остальное оставлял себе.

В этой книге были записаны все безделушки, которые Вэй Юань покупал для Вэй Тиня на свои сбережения. Тогда он ясно сказал маленькому Вэй Тиню: «Брату тяжело зарабатывать. Я всё записываю — потом вернёшь».

Сначала Вэй Юань вёл записи тщательно, до мелочей, чётко и аккуратно.

«Жареная курица — один цянь. Мягкие цукаты — тридцать вэнь. Сахарные хлопья — десять вэнь».

Но потом записи стали такими:

«Такого-то числа А Тин улыбнулся — очень мило, минус десять вэнь».

«Такого-то числа А Тин назвал братом — голос приятный, минус десять вэнь».

«Такого-то числа А Тин слепил брату фигурку — особенно мило, минус один лян».

В итоге, после всех вычетов, выходило, что Вэй Юань сам должен Вэй Тиню восемь-девять лянов.

Эту книгу Вэй Юань больше брату не показывал, а припрятал и время от времени перелистывал.

Только открыл, перевернул пять-шесть страниц — и почувствовал: в комнате что-то не так.

Он нахмурился, взял со стола пустую чайную чашку.

Твёрдая глина в его руках стала менять форму, словно тесто. За мгновение она превратилась в три коротких острых стрелы.

Вэй Юань резко сжал кулак — и стрелы рванули в угол комнаты!

Но не раздалось ни звука попадания в плоть. В углу стояла тишина — будто странное ощущение было лишь игрой воображения.

Вэй Юань закрыл книгу, прикрыл её другой, потолще, для надёжности, и встал.

Из теней в углу медленно вышел человек в плаще. Вэй Юань не видел его лица — вместо него была лишь густая чёрная тень.

Температура в комнате беспричинно упала, стало леденяще холодно. Вэй Юань тут же призвал магию, чтобы согреться, и настороженно уставился на жуткую фигуру:

— Кто? Говори!

Человек в плаще стоял недвижно, не произнося ни слова. Вокруг него вились тонкие струйки чёрного дыма.

Не дождавшись ответа, Вэй Юань не стал тратить слова. Он перевернул ладонь, сосредоточился — и кабинет задрожал. Стены из глины и камня исказились, приняв формы восемнадцати видов оружия, и пронзили плащ насквозь.

Ключья ткани повисли на острых лезвиях. Внутри не было ни души.

... Что?

Вэй Юань в ужасе схватил со стола учётную книгу, оттолкнулся носком и, легкий как обезьяна, перепрыгнул через стол.

Но он опоздал.

Едва ступил на пол — и чуть не рухнул.

Нога до колена оказалась замурована в лёд. Пронзительная боль, будто разрезающая мышцы, впивалась всё глубже, густо-колючая, как укусы пчёл.

Он взглянул вниз и понял: это не иллюзия.

Изо льда выросли крошечные острые крючья, впившиеся в кожу, и заморозили кровь, готовую хлынуть из ран.

Человеческая фигура стояла на том самом месте, где только что был Вэй Юань. Лица по-прежнему не было видно, но можно было представить глаза — полные насмешки и убийственного намерения.

Вэй Юань, не задумываясь, выругался.

Вчера — этот Шэнь, сегодня — снова?! Меня что, заморозку устроили, я что, мёртвый?

В сердцах он рявкнул — и весь кабинет накренился, поплыл, словно торт под палящим солнцем. Мгновение — и стены рассыпались в песок. Вихрь, взметнувший яростные песчинки, разорвал тень в ключья.

Тень легко рассыпалась, разлетелась вверх.

... Умерла?

Пока Вэй Юань озирался на пороге, сзади, бесшумно, к его шее подобралась тонкая полоска ледяного света.

<http://bllate.org/book/16281/1466345>